

Неоевразийство: миф или реальность?

По мнению некоторых российских политологов, главная геополитическая задача России в XXI веке — возвращение на свои исторические границы. От успешности ее решения зависит будущее. Сможет русский народ это сделать — останется на земле. Не сможет — уйдет в историю, как ушли первый и второй Рим. Вопрос об этих границах кажется дискуссионным только при первом приближении. Они давно определены тысячелетней русской историей. За них сложили головы предыдущие поколения русских людей¹. На какой же идеологической и политической основе предполагается осуществить ее решение? Ответ тоже имеется. Как пишут С.П. Глинкина и И.И. Орлик, «у России нет надежных союзников вне постсоветского пространства, и вряд ли они появятся в ближайшие годы. Неоевразийство может стать не только концепцией, но и фактором экономической, политической, военной, культурной интеграции многочисленных народов на огромной территории от белорусского Бреста до Тихого океана»².

Россию опять ориентируют на собирание русских земель то ли в исторических границах 1991 г., то ли 1914 г. Россия в лице ее политической и интеллектуальной элиты, сыгравшая главную роль в распаде СССР, и русский народ, палец о палец не ударивший ради спасения своего государства, призываются к воссозданию единого геополитического евразийского пространства во главе с Россией. При этом ссылаются на слова одного из основоположников евразийства Г.В. Вернадского, который отмечал, что «русский народ есть основная сила Евразийского государства; русский язык есть основная стихия евразийской культу-

ры. Но сила русской стихии в евразийском мире не может держаться на внешнем принуждении и регламентации внешних рамок. Сила эта — в свободном культурном творчестве. Русский народ создал Евразию как историческое место развития напряжением всех своих сил. Русский народ должен неослабно проявлять и в дальнейшем то же творческое напряжение, чтобы удержать место Евразии на земле и свое собственное лицо в Евразии»³. Вот уж поистине: что имеем — не храним, потерявши — плачем.

Постсоветское пространство после распада Советского Союза представляло собой единое геополитическое целое. Сохранение в таком качестве было закреплено в основополагающих документах, определявших его дальнейшее развитие. В Соглашении о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), подписанном в Вискулях 8 декабря 1991 г. председателем Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевичем, президентом Российской Федерации Борисом Ельциным и президентом Украины Л. Кравчуком, отмечалось, что «Республика Беларусь, Российская Федерация и Украина как государства, учредившие в 1922 г. Союз ССР... констатируют, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование»⁴. Соглашение объявлялось открытым для присоединения к нему всех республик бывшего Советского Союза, а также иных государств, разделяющих цели и принципы этого документа. В Соглашении провозглашалось образование на месте СССР Содружества Независимых Государств и формулировались основные принципы взаимоотношений его членов. В ст. 5 отмечалось, что «высокие договаривающиеся стороны признают и уважают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность границ в рамках Содружества» и «гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества». В ст. 7 указывалось, что к сфере совместной деятельности, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты Содружества, относятся:

- ▶ координация внешнеполитической деятельности;
- ▶ сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков в области таможенной политики;
- ▶ сотрудничество в развитии систем транспорта и связи, в борьбе с организованной преступностью, в осуществлении миграционной политики⁵.

Алма-Атинская Декларация от 21 декабря 1991 г. отразила желание всех бывших советских республик, кроме трех стран Балтии и Грузии, сформировать на месте бывшего СССР Содружество Независимых государств, действующее на принципах, зафиксированных в Соглашении о прекращении существования Советского Союза на правах учредителей, а не присоединившихся государств⁶. Этот документ убедительно свидетельствовал о стремлении подавляющего большинства новых независимых государств сохранить геополитическую и хозяйственную целостность постсоветского пространства.

В принятом 23 января 1993 г. на заседании глав государств и правительств новых независимых государств в Минске Уставе Содружества были внесены уточнения. В ст. 1 Устава подчеркивалось, что СНГ «не является государством и не обладает наднациональными полномочиями». В ст. 19 были перечислены направления сотрудничества в экономической и социальной областях:

- ▶ формирование общего экономического пространства на базе рыночных отношений и свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы;
- ▶ координации социальной политики;
- ▶ содействие развитию общего информационного пространства.

Ст. 11 Устава ориентировала государства-члены СНГ на проведение согласованной политики в области международной безопасности, разоружения и контроля над вооружениями, строительства Вооруженных сил и на поддержание безопасности в Содружестве, в том числе с помощью групп военных наблюдателей и коллективных сил по поддержанию мира⁷.

14 мая 1993 г. была принята Декларация о поэтапном движении к экономическому союзу и решение о подготовке соответствующего договора. 24 сентября 1993 года Договор о создании Экономического союза был подписан всеми странами-членами СНГ (кроме Украины, которая присоединилась к нему на правах ассоциированного члена в апреле 1994 г.). Договор закреплял общее стремление новых независимых государств (ННГ) превратить СНГ в интеграционную структуру наподобие ЕС. В Договоре были сформулированы принципы поэтапности в создании общего экономического пространства и предоставление равных гарантий и возможностей всем хозяйствующим структурам. Он предусматривал установление 4 подготовительных этапов на пути формирования Экономического союза:

- ▶ создание зоны свободной торговли;
- ▶ формирование таможенного союза;
- ▶ образование общего рынка с свободным перемещением товаров и услуг, капиталов и рабочей силы, проведение согласованной инвестиционной политики;
- ▶ установление платежного союза на основе использования национальных валют, осуществления взаимного кредитования дефицита платежных балансов, обеспечения конвертируемости национальных валют по текущим операциям.

Однако этот Договор так и не был реализован.

Основные направления сотрудничества в военно-политической области были закреплены в Договоре о коллективной безопасности, подписанном 15 мая 1992 года в Ташкенте. В соответствии со ст. 1 Договора, страны-участники брали на себя обязательство воздерживаться от применения силы или угрозы силой в международных отношениях и разрешать все разногласия между собой и с другими государствами мирными средствами. В этой же статье говорилось о том, что они не будут вступать в военные союзы или принимать участие в каких-либо группировках, а также в действиях, направленных против другого государства-участника. Принципиальное значение имела ст. 4 Договора. В соответствии с этой статьей, если

одна из стран-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников Договора. В этом случае все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную⁸.

Однако выдвинутая концепция развития постсоветского (евразийского) пространства не была реализована. Создать военно-политический и экономический союз новых независимых государств не удалось. На постсоветском пространстве в течение всех последующих лет доминирующей тенденцией развития являлись дезинтеграционные процессы как на региональном так и на субрегиональном уровнях.

Результаты последующего развития новых независимых государств, возникших на территории бывшего СССР, говорят о том, что сегодня едва ли возможно рассматривать постсоветское пространство как единое геополитическое целое. Дезинтеграционные процессы, доминировавшие на нем практически в течение всех лет существования, привели к его фрагментации, что проявляется в различной внешнеполитической ориентации существующих здесь субъектов международных отношений.

В зависимости от этого можно выделить три группы государств.

К первой из них относятся страны, которые участвуют в реализации интеграционных проектов, инициированных и возглавляемых Россией. Это Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия и Таджикистан. Их лидеры и сформировавшаяся там политическая элита исходят из необходимости тесного сотрудничества с РФ. Они являются членами Евразийского экономического союза, ОДКБ.

Вторая группа состоит из стран, стремящихся войти в евроатлантическую систему безопасности и присоединиться к европейской экономической интеграции, став членами НАТО и ЕС. Это Украина, Молдавия и Грузия. Они провозгласили курс на вхождение в Европу, который последовательно и неуклонно реализуют в течение всего

периода независимости. Все они имеют напряженные отношения с Москвой.

В третью группу входят страны, которые не проявляют интереса к участию в интеграционных проектах, возглавляемых Россией, и не стремятся войти в Европу, предпочитая сохранить за собой свободу рук и развивая сотрудничество как с Россией, так и с ЕС, США, а также с Китаем, не возлагая на себя при этом никаких политических обязательств. Это Азербайджан, Узбекистан, Туркмения.

ННГ возникли на месте бывших советских республик, народы которых совместно прожили в одном государстве не одно столетие, и экономики которых входили в единый народнохозяйственный комплекс Советского Союза. Казалось бы, после распада СССР они должны были ориентировать свою внешнюю политику на сохранение единого политического и экономического, а также геополитического постсоветского пространства. Однако этого не произошло. Устойчивой тенденцией здесь является политическое дробление, столкновение интересов всех участников разворачивающихся на этом пространстве политических и экономических процессов. Даже в оформившемся интеграционном ядре в виде Евразийского экономического союза по-разному понимается сущность интеграции, темпы, формы и механизмы ее осуществления.

Геополитическое единство постсоветского пространства все более и более размывается, и остановить этот процесс не представляется возможным. Слишком много внутренних и внешнеполитических факторов воздействуют на развитие региона именно в этом направлении. Для подавляющего большинства ННГ Содружество не является приоритетом их внешней политики и, видимо, таковым не будет. Геоэкономические интересы у них лежат за пределами этого пространства. Политические элиты не заинтересованы в налаживании интеграции на постсоветском пространстве, в формировании эффективных и дееспособных институтов и механизмов интеграции, опасаясь лишиться власти и попасть под влияние бывшего «имперского центра» — России. Все они стараются создать

формальные и неформальные системы сдержек и противовесов возможным имперским поползновениям со стороны России, что во многом и определяет содержание проводимой ими внешней политики.

Главного гаранта своей независимости и обретенного суверенитета они видят в лице Запада — США, ЕС, НАТО — и поэтому стремятся к развитию всестороннего военно-политического и экономического сотрудничества с ним. Но одновременно они его опасаются, т.к. западные демократии требуют, может быть и не всегда настойчиво, уважения прав человека, принципов демократии, совершенствования институтов собственности, что угрожает властным позициям правящей политической элиты, которая рассчитывает остаться у власти надолго, а лучше навсегда. Во многом этим обстоятельством и объясняются проблемы в их отношениях с Западом. Отсюда и усиливающаяся заинтересованность в расширении связей с Китаем, который, предоставляя кредиты, предлагая различные инвестиционные программы, не выдвигает никаких политических требований, не критикует за нарушение прав человека и вообще не предпринимает никаких шагов, которые могли бы быть расценены как вмешательство во внутренние дела. Пекин для них сегодня самый удобный партнер. Конечно, они видят опасные последствия экономической экспансии КНР на свои рынки и пытаются их оградить с помощью различных протекционистских законов. Но разворот в сторону сотрудничества с Китаем очевиден. Политические — и в том числе геополитические, результаты такой политики зримо проявятся через несколько лет.

США еще в 1993 г. заявили о том, что не рассматривают постсоветское пространство в качестве зоны исключительно российских интересов и провозгласили доктрину геополитического плюрализма в регионе, бросив тем самым открытый вызов Москве. Суть их политики в регионе состояла и состоит в возведении «санитарного кордона» вокруг России на Западе и на Востоке, в недопущении ни в какой форме реинтеграции постсоветского пространства под эгидой России.

ЕС также проводит активную политику по втягиванию ННГ в зону своего влияния, выделяя для этого немалые ресурсы. В рамках политики «нового соседства», а затем Восточного партнерства Брюссель настойчиво стремится включить европейские и южнокавказские ННГ в систему особых отношений с ЕС, что подрывает усилия РФ по налаживанию экономической интеграции на постсоветском пространстве. Эту же роль была призвана играть одобренная Европейским Советом в июне 2008 г. стратегия нового партнерства в отношении стран Центральной Азии. Тем самым Европейский союз создает необходимые предпосылки для ускорения политической ассоциации и экономической интеграции с заинтересованными странами региона.

За время после распада Советского Союза Россия так и не стала системообразующим фактором в развитии ННГ, не превратилась для многих из них в центр политического и экономического притяжения. Практически все они проводят многовекторную внешнюю политику, с многими из них у Москвы весьма напряженные отношения.

Отношения с Украиной после совершенного там государственного переворота в феврале 2014 г. и воссоединения Крыма с Россией могут быть охарактеризованы как состояние холодной войны. С Грузией дипломатические отношения разорваны после пятнадцатидневной войны 2008 г. по инициативе Тбилиси и не ясно, когда они будут восстановлены. Напряженными являются российско-молдавские отношения, вследствие различных подходов к урегулированию Приднестровского конфликта и негативного отношения Москвы к геополитической ориентации Кишинева, стремящегося вступить в ЕС. Крайне низкий уровень доверия сложился в российско-туркменских отношениях. Политические элиты Туркмении старательно избегают участия в интеграционных проектах, инициированных Москвой.

Падение влияния России на постсоветском пространстве стало устойчивой тенденцией в его эволюции. Не конкурентоспособность РФ на мировых рынках, сырьевая ориентация структуры ее экономики резко сужает притя-

гательность России для ННГ, которые ищут источники и ресурсы для своего развития за пределами СНГ.

Анализ внешней политики ННГ неизбежно ставит вопрос о соответствии международной активности правящих в них политических элит национальным интересам этих стран. Имеются ли у них какие-то стратегические неизменные внешнеполитические цели, без достижения которых успешное развитие невозможно и по которым в обществе имеется устойчивый консенсус? Реальная внешняя политика ННГ и ее концептуальные основы убедительно свидетельствуют о том, что таковыми является защита обретенной независимости, которая рассматривается всеми социальными слоями как самоценность, которую они готовы защищать всеми доступными им средствами. Что же касается взаимоотношений с Россией, ЕС, США и Китаем, то общенациональный консенсус в этих государствах не сложился. В отношении значимости сотрудничества с ними существует весьма широкий разброс мнений, что проявляется и в их внешней политике. Поэтому вопросы внешней политики представляют собой важнейший фактор формирования политики внутренней, влияют на расстановку внутривнутриполитических сил и на внутривнутриполитический процесс. Это особенно отчетливо проявляется на Украине и в Молдавии, но и в других ННГ сформировались сходные тенденции. Достигнуть в них консенсуса по вопросам внешнеполитической стратегии удастся не скоро, разногласия еще долго будут сотрясать государственные здания в ННГ, делая положение в них неустойчивым и нестабильным, обрекая многие из них на существование в статусе несостоявшихся государств.

ННГ предпочитают строить свои отношения с Россией на двусторонней основе, руководствуясь принципами международного права. Все интеграционные проекты на постсоветском пространстве, возглавляемые Россией, потерпели неудачу. Не исключено, что такая же судьба постигнет и Евразийский Экономический Союз, который, скорее всего, растворится в проекте создания экономического пространства Великого шелкового пути.

Распаду единства евразийского геополитического пространства способствует нарастание противоречий между ННГ. Противостояние Азербайджана и Армении из-за Нагорного Карабаха, России и Грузии — из-за статуса Южной Осетии и Абхазии, России и Молдавии — из-за Приднестровья, Узбекистана и Киргизии — из-за водных ресурсов, Узбекистана и Таджикистана — из-за разногласий по поводу демаркации государственной границы и особенно российско-украинский конфликт разрывают это пространство, делают воссоздание его единства в рамках какой-то институализированной структуры в обозримом будущем маловероятным, а, скорее всего, невозможным. Острое противостояние находящихся здесь государств создает напряженную обстановку, в которой крайне сложно налаживать стабильные взаимовыгодные межгосударственные отношения.

Стабильность на постсоветском пространстве размывается и неустойчивым социально-экономическим и политическим положением в ННГ. Они приступили к преобразованиям примерно в одно и то же время, что и бывшие социалистические восточноевропейские страны. Однако их политические режимы принципиальным образом отличаются друг от друга. Если бывшие союзники СССР в ходе трансформации смогли создать устойчивые институты демократии с действенной системой сдержек и противовесов и реальной многопартийностью, избежать авторитаризма, то большинство постсоветских стран еще очень далеки от этого. Подготовка к вступлению в НАТО и ЕС, а затем и само членство в них явилось главной причиной успешности проходивших там трансформационных процессов в силу необходимости соответствия европейским демократическим стандартам. НАТО и ЕС выступили в качестве мощной политической силы, заставившей политический истеблишмент этих стран проводить преобразования, позволяющие им вписаться в политический ландшафт современной Европы. Даже балканские страны, в которых отсутствовали традиции демократии, должны были подчиниться этим требованиям и приступить к преобразованиям в соответствии с копенгагенскими критериями ЕС⁹.

Страны постсоветского пространства оказались предоставленными самим себе и пошли по накатанному пути традиционализма. Поэтому и результаты реформ здесь совершенно иные, и говорить о завершении транзита в них не приходится. За истекшие после распада СССР годы большинство ННГ не решило тех многочисленных социально-экономических проблем, которые отягощали советские республики и обусловили гибель Советского Союза¹⁰. За все эти годы в них не была создана дееспособная и устойчивая модель экономического развития, способная адекватно реагировать на вызовы глобализации. Ощущения бесперспективности и отчаяния, которые охватывают широкие слои населения ННГ, с одной стороны, ведут к политической пассивности, а с другой — создают мощный социальный заряд огромной разрушительной силы, способный привести к выходящим из-под контроля массовым стихийным протестам в виде т.н. «цветных» революций. К наиболее тяжелым последствиям и для Украины, и для европейской безопасности, и для постсоветского пространства привела очередная «цветная» революция на Украине. За годы независимости украинская политическая и бизнес-элита не смогли создать современную эффективную экономику, устойчиво работающую систему государственных институтов, политических партий, ориентированных на защиту интересов общества и государства. Бесправие рядовых украинских граждан, высокий уровень коррупции, социальная незащищенность явились первопричиной того социального взрыва, который произошел в стране после известия об отказе украинского президента В. Януковича подписать на саммите ЕС в Вильнюсе (ноябрь 2013 г.) соглашение об ассоциации с Европейским союзом и присоединении к зоне свободной торговли. Это вызвало взрыв возмущения сначала среди украинского студенчества, поддержанного затем значительной частью украинского общества. Украинцы видели в тесном сотрудничестве с ЕС возможность в перспективе, пусть и весьма отдаленной, «вхождения в Европу», европеизацию своего государства как форму его реформирования с помощью

европейских институтов, что означало для них свет в конце туннеля, некую историческую перспективу. Это была наивная вера миллионов простых украинцев в то, что «заграница нам поможет», придет и решит все накопившиеся проблемы, даст денег, наладит систему образования, искоренит коррупцию и произвол. Они уже не верили в возможность собственными силами построить демократическое, процветающее дееспособное государство, в котором можно было бы комфортно жить и работать. Эти же общественные настроения характерны для Грузии и Молдавии. В молдавском обществе в условиях неэффективности власти растет число сторонников объединения с Румынией и вхождения таким образом в Европейский союз.

Украинский кризис потряс Содружество Независимых Государств. В жестком противостоянии столкнулись два ведущих государства постсоветского пространства. СНГ оказался не в состоянии предпринять каких-либо действенных инициатив по урегулированию российско-украинского конфликта и самого украинского кризиса. ННГ столкнулись с необходимостью занять позицию как в отношении украинского кризиса, так и российско-украинского конфликта. Некоторые из них поддержали в этом конфликте Украину, но никто не заявил открыто о поддержке России. Тем самым украинский кризис явился еще одним весомым фактором дезинтеграции постсоветского пространства. Его урегулированием занимаются внерегиональные страны и институты — ЕС и ОБСЕ.

После российско-грузинской войны 2008 г. и признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, присоединение к ней Крыма было воспринято как намерение проводить политику собирания земель, воссоздание российской империи, что вызвало у новых независимых государств заметное отчуждение от РФ. Все это наносит сильный удар по СНГ, от которого Содружество, видимо, уже оправиться не сможет.

Политические мыслители России в XIX и XX вв. неоднократно писали о том, что евразийское пространство, сформированное в виде Российской империи, а затем

СССР, в случае его распада на независимые государства будет источником нестабильности, многочисленных конфликтов между вновь возникшими государствами, ареной соперничества различных центров силы. Эти пророчества сбываются. Поэтому без объединения всех государств постсоветского пространства в рамках большого геополитического проекта по созданию интеграционной системы невозможно стабилизировать здесь ситуацию и придать ей устойчивость. В противном случае оно будет раздираться межгосударственными столкновениями, сопровождаться распадом государств, переделом границ очень и очень долго. В этом плане имеется убедительный опыт Европы, которая прошла длительный и кровавый путь, прежде чем смогла наслаждаться плодами мира и процветания. Однако такого проекта не имеется. В строительстве Евразийского экономического союза большинство ННГ не участвуют и положенные в его основу идеи не разделяют. Первые достижения в его функционировании весьма скромные, и пока что не просматривается каких-либо предпосылок для достижения ЕАЭС более весомых позитивных результатов. Более того, в странах-участницах ЕАЭС усиливается недовольство его деятельностью, вызванное тем, что местный бизнес в рамках функционирования единого экономического пространства оказался не в состоянии конкурировать на равных с российскими товарами и добивается введения ограничений на поставку российской продукции. Для самой России проект ЕАЭС представляет значимость, в первую очередь, с геополитической точки зрения. Поэтому он для нее затратный, требующий отвлечения немалых ресурсов от решения внутрироссийских проблем. Большинство ННГ заинтересованы в участии в реализации китайского проекта создания экономического пространства Великого шелкового пути, связывая с ним свои надежды на восстановление своей экономики.

Украинский кризис и его последствия остро ставят вопрос о роли России на постсоветском пространстве и перспективах ее взаимоотношений с ННГ. Москва вынуждена реагировать на происходящие на Украине события,

что неизбежно приводит ее к конфликту с киевской властью и стоящим за ней Западом. Усилия российской дипломатии, направленные на использование механизмов ООН, ОБСЕ, т.н. нормандской четверки для нормализации обстановки, для прекращения идущей на юго-востоке страны гражданской войны успеха не имели. Запад, и в первую очередь — США, судя по всему, в этом не заинтересованы. Они намерены сохранить нарастающий хаос в стране, что исключает возможность установления стабильных отношений между Россией и Украиной. Запад достиг своей стратегической цели. Установившееся враждебное противостояние между двумя странами сохранится, видимо, на долгие годы, что исключает их объединение в рамках каких бы то ни было интеграционных союзов. На Западе полагают, что благодаря украинскому кризису сформулированная им еще в начале 90-х годов прошлого столетия задача не допустить реинтеграции постсоветского пространства под руководством России успешно решена. Воссоздать его геополитическую целостность в обозримом будущем будет крайне проблематично.

Что Россия потеряла и что обрела в результате своей политики на Украине? Она получила Крым, что существенно улучшило ее геополитические позиции в мире, в Европе и Причерноморье. Но она потеряла Украину, если не навсегда, то надолго. Можно поставить в Киеве — теоретически — пророссийское правительство, но пророссийских настроений, пророссийской ориентации среди украинского народа добиться будет крайне сложно. В результате присоединения Крыма к России антироссийские и проевропейские настроения украинского населения, как свидетельствуют многочисленные опросы, только усилились. Но с другой стороны, и пассивное созерцание Россией развития ситуации на Украине не сулило ей ничего хорошего. Пришедшие к власти в Киеве в результате переворота политические силы стояли на антироссийских позициях и не давали никакой надежды на установление стабильных и дружественных двусторонних отношений. Россия была поставлена перед необходимостью выбора между плохим

вариантом развития двусторонних отношений и очень плохим. Присоединение Крыма означало нарушение принципов международного права и взятых Россией обязательств перед Украиной, что, безусловно, было плохим шагом. Но пассивное созерцание развития событий на Украине было бы еще хуже. Антироссийская украинская внешняя политика, ориентированная на вступление в ЕС и НАТО, на конфронтацию с Москвой подрывала геополитические и геостратегические позиции России и по существу загоняла ее в геополитический тупик.

Российско-украинские отношения сегодня переживают глубокий кризис. Политический диалог прерван. Экономическое сотрудничество сокращается. Уровень взаимного доверия опустился до нуля. Позитивной повестки дня в двусторонних отношениях не существует. Практически по всем вопросам двусторонних отношений стороны занимают противоположные, взаимоисключающие позиции. Ни одна из сторон не хочет идти на уступки, не стремится к достижению компромиссов. Все спорные вопросы решаются с позиции силы. Украина и Россия сегодня — это два враждебных государства, стремящиеся нанести друг другу максимально возможный ущерб. Наряду с Крымом острым раздражителем в двусторонних отношениях стал конфликт на Юго-Востоке Украины. Россия не является его стороной, но совершенно очевидно, что без ее участия он не может быть урегулирован с учетом интересов жителей этого региона. Москва не поддерживает идей образования здесь независимого государства или присоединения его к России. Она выступает за сохранение территориальной целостности Украины в ее нынешних границах (минус Крым). Основу для урегулирования кризиса она видит в реализации положений договоренностей Минск-2. Киев выполнять их не хочет, не может и не будет. Но другого не дано. Силового решения проблемы Донбасса не существует. Россия не позволит Киеву разгромить ополченцев и расправиться с ними. Договоренности Минск-2 предполагают, по существу, федерализацию страны. Сегодня это единственный путь к сохранению территориальной целостности

украинского государства, которое в том виде, в каком оно было задумано и строилось после распада СССР, себя исчерпало. Необходимо утверждение новой формы государственности — Федерации.

Молдавия отказалась от плана Козака, предусматривавшего федерализацию, и поэтому потеряла Приднестровье. Грузия отказалась от федерализации и потеряла Южную Осетию и Абхазию. Милошевич ликвидировал фактически федеративный статус Косово — и лишился его. То же самое произойдет и с Донбассом, если Киев будет цепляться за унитарность.

В этой связи следует отметить, что Баку в своей программе решения карабахского конфликта готов предоставить Карабаху в случае его возвращения «в лоно азербайджанского государства» весьма широкие права и самостоятельность, что означало бы, по сути, трансформацию страны в Федерацию. Однако для лидеров Нагорного Карабаха возвращение в состав Азербайджана неприемлемо ни в каком формате. Их устраивает только независимость.

Распад Советского Союза дал мощный толчок борьбе народов на постсоветском пространстве за самоопределение вплоть до образования своих собственных независимых государств. Одновременно в некоторых новых независимых государствах началось националстроительство, в результате чего они начали развиваться не как демократические, а как национальные государства. Это приводит к конфликту между т.н. титульными нациями и национальными меньшинствами. Исторически борьба за самоопределение на постсоветском пространстве является четвертой волной самоопределения в Европе.

В результате первой волны в XIX в. завершился процесс формирования национальных государств в Западной Европе и частично на Балканах. Затем, в межвоенный период, возникли национальные государства в Восточной Европе. И наконец, в конце XX века началась борьба за самоопределение народов бывшего СССР и Югославии. Распад СССР и образование ННГ не завершил борьбу за самоопределение, напротив, она обрела новую динамику

и более острые формы стремления к самоопределению народов, являющихся в ННГ национальными меньшинствами. Это стремление к самоопределению национальных меньшинств и нежелание национальных элит титульных наций его предоставить, способно взорвать как государственность ННГ, так и безопасность на всем постсоветском пространстве. Украинский кризис убедительно показывает, к каким трагическим последствиям приводит курс на строительство национального государства. Опыт стран Балтии, которые пошли по пути ассимиляции русского национального меньшинства, на Украине не сработал. Нужна демократическая модель государства, в которой все проживающие в нем граждане имели бы право, как минимум, на национально-культурную автономию. Но наиболее эффективной была бы федеративная модель государственного устройства. Иначе борьба за политическое самоопределение и культурную автономию будет взрывать изнутри новые независимые государства, делать их неустойчивыми, что не позволит создать стабильную государственность и эффективные институты демократии. Но большинству постсоветских государств, видимо, придется пройти через этап строительства национального государства, что представляется некоей общей тенденцией в развитии постсоветского пространства. Это сопровождается сильным проявлением национализма, выступающего в качестве мощного средства мобилизации социальной энергии населения и в то же время отвлечения его внимания от реальных проблем социального, экономического и политического бытия. Национализм может служить в качестве инструмента концентрации социальной энергии в целях созидания или превратиться в разрушительную силу, блокирующую трансформацию общества и государства.

Национализм крайне агрессивен в отношении соседних государств. Его проявления отмечаются в Армении, Азербайджане, Грузии, Украине, странах Балтии. Для его изживания требуется немало времени, в течение которого безопасность в Евразии будет неустойчивой. Ряд ННГ

возникли в условиях, когда в них не завершилось формирование единой нации, и так называемые титульные нации стремятся строить национальное государство «под себя», игнорируя интересы других народов. С этой точки зрения вызывает опасение нациостроительство в Белоруссии и Казахстане. В обоих государствах имеются националистические силы, ориентированные на строительство национальных государств, в которых ущемляются права проживающего там русского населения. Нынешнее белорусское и казахстанское руководство держит ситуацию под контролем, но как долго это будет продолжаться — неясно. Во всяком случае, исключать возможность развития там ситуации по украинскому образцу не следует.

В конечном итоге, то, что сейчас происходит на постсоветском пространстве, является следствием распада Советского Союза. Россия несет большую ответственность за распад СССР. Именно она первой начала борьбу за т.н. независимость, за свой суверенитет, что дало мощный толчок борьбе за независимость и суверенитет и в других советских республиках. Распад СССР еще не завершен. Это произойдет только после создания устойчивой государственности ННГ, решения проблем нациостроительства, нормализации отношений между новыми независимыми государствами и, в первую очередь, между Россией и Украиной. Но для этого потребуется немало времени, в течение которого евразийское геополитическое пространство будет лихорадить и оно может окончательно исчезнуть как геополитическое целое. Поэтому жизненность концепции «неоевразийства» как идеологической и политической основы интеграции постсоветского пространства опровергается всем ходом развития политических, экономических, идеологических и др. процессов. Сегодня — это, скорее, миф, а не реальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лучанинов А. Независимое военное обозрение. № 20. 2017. 9–15 июня.

² Глинкина С.П., Орлик И.И. Евразийская идея на постсоветском пространстве // Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М., 2012. С. 222.

³ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 282.

⁴ Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия. Т. 2. М., 1999. С. 11. Соглашение объявлялось открытым для присоединения к нему всех республик.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Там же. С. 15–16.

⁷ Там же. С. 326–330.

⁸ Военное сотрудничество. Сборник основных документов в области военного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств. Минск, 1996. С. 45.

⁹ См.: Яжборовская И.С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М., 2008.

¹⁰ Вардомский Л. Постсоветский интеграционный проект: что хотели и что получили // Мир перемен. 2016. № 3.